ЗИНАИДА ГИППИУС

СЛОВА ТОЛСТОГО

Зинаида Николаевна Гиппиус
Слова Толстого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26110605

Аннотация

«В прошлом 1909 году, в те времена, когда Лев Толстой уже сказал свое «Не могу молчать», когда все мы, средние и маленькие, одинаково поверили, что нельзя молчать, – в те времена случилось мне напомнить читателям: «Речи» о статье Жуковского «Смертная казнь». Старая статья – и такая жутко-новая, такая сегодняшняя…»

Зинаида Гиппиус
Слова Толстого

В прошлом 1909 году, в те времена, когда Лев Толстой уже сказал свое «Не могу молчать», когда все мы, средние и маленькие, одинаково поверили, что нельзя молчать, – в те времена случилось мне напомнить читателям: «Речи» о статье Жуковского «Смертная казнь». Старая статья – и такая жутко-новая, такая сегодняшняя.

Убежденный православный церковник Жуковский открыто воздвигает защиту смертной казни на двух камнях – Православии и Самодержавии. Он идет до конца: он хочет привлечь историческую церковь к самому явному участию в смертной казни, чтобы окончательно «освятить», превратить ее, – «акт любви христианской», – в церковное, христианское «Таинство».

И хотелось мне услышать, что думает об этом великий христианин – Лев Толстой. Моя статья была послана ему вместе с письмом, содержание которого мною теперь почти забыто, но о котором нужно упомянуть для того, чтобы яснее был ответ Толстого.

Если он, думалось мне, один из всех нас знает самые сильные слова, умеет их говорить, – то пусть же и говорит, не уставая, не переставая, не за одного себя, а и за нас, маленьких, полунемых. Мне казалось, что и от одних слов, – силь-

ных слов сильного человека, – может измениться жизнь. Что слова-звуки, падая на камень, могут источить его, пошатнуть это верное основание виселиц, рядом с которыми ни сам Лев Толстой, ни мы все не можем больше жить и дышать.

Так нам казалось, что мы не можем. И все мое письмо было просьбой о неустанной, непрестанной помощи – словами.

Думаю теперь, что он дал больше, чем мы умели просить. Думаю, что для него слова были не то, что для нас. Он, кажется, ведал особую тайну; невнятную, непонятную нам тайну слова во плоти. И было оно у него не звук, не мысль выраженная, не движение души даже, – нет, каждое его слово рождалось, как живое существо, тяжко, трудно, кроваво. Он один был с этой тайной. Мы едва могли, едва можем, в редкие минуты, угадывать, что она есть. Но и смутное прикосновение уже заставляет вздрагивать сердца живых: вздрогнули же мы все, люди, наполняющие землю, в эти наши последние дни.

Вот что ответил мне на мою просьбу о словах Лев Толстой. Белый конверт со штемпелем Ясепки. Несколько строк секретаря Гусева о том, что Лев Николаевич знает статью Жуковского, всегда возмущался ею, писал о ней («Царство Божие», стр. 128), находит, что хорошо было напомнить об этом «ужасном кощунстве», и т. д. Наконец, страница высокого, связного, знакомого почерка, – такого знакомого всем:

> Я последние дни чувствую себя очень слабым от возобновившегося нездоровья, в сущности от старости,

но хочется самому написать вам те несколько слов в благодарность за вашу статью и в особенности хорошее письмо.

Стараюсь сколько умею и могу бороться с тем злом подставленной церковниками лжи на место истины христианства, на которое вы указываете, но думаю, что освобождение от лжи достигается не указанием на ложь лжи, а на полное усвоение истины, такое, при котором истина становится единственным или хотя главным руководителем жизни, как линяние у животных. Дружески жму вам руку. Рад общению с вами.

Лев Толстой.

Кто из нас, привыкших к легкости самых «сильных» слов, мог бы в то время понять, какая тяжесть заключена для самого Толстого в каждой из этих простых, коротких строчек?

Помню, и тогда, при свидании нашем в 1904 году в Ясной Поляне, странно – и только жутко – прозвучали для нас слова Толстого о его теперешней жизни.

Он рассказывал, что пишет дневник. «Но трудно писать! Столько неверного, ужасного, тяжелого, гадкого в жизни, – как говорить об этом? Да вот, если б описать только один день моей теперешней жизни…»

Мы изумились: теперешней? мы не поняли этих слов тогда, – ведь это были для нас слова-звуки; мы не знали, что он может дать и дает нам больше, чем мы умеем просить.

И только раз, в то свидание, почудилась мне близость тай-

ны в этом человеке, страшной, святой и живой. Говорили о воскресении. Он произнес:

> «Ничего не знаю, но знаю, что в последнюю минуту скажу: вот, в руки Твои предаю дух мой! И пусть Он сделает со мною, что хочет. Сохранит, уничтожит или восстановит меня опять – это Он знает, а не я…»

Теперь, когда любящие руки уже протянулись к нему, – наша радость в том, что мы видим всю помощь, которую подал он нам. Теперь стало ясно, и просто, и легко многое, что прежде вязало и туманило нас. Родная земля ожила и вздохнула единой грудью. Отлучившие себя от первого ее сына – отлучены и ныне от нее. Пусть стоят на своих «камнях»… пока могут. Не будем указывать на них; ведь «не указанием на ложь лжи достигается освобождение». Жизнью своей и смертью великий христианин земли русской открыл нам глаза на Того, Кто истина и путь. «Истина сделает вас свободными…»

Вздохнула родная земля единой грудью. «Я ухожу, – сказал Толстой, – но в жизни остаются люди, которые будут делать то, что я делал, и, может быть, им удастся достигнуть того, к чему я всегда стремился».

Эти люди – все мы, вся Россия, кроме отверженных, отлученных от нее. И не надо слов больше, после слов Толстого.

Не будем говорить.

Будем делать.